К истории концепта “Общество как государственное учреждение”: Памяти Дитриха Гайера (1928-2023)

Майя Лавринович
Независимый исследователь

Ингрид Ширле
Тюбингенский университет

On the History of the Concept “Society as a State Institution:” In memoriam Dietrich Geyer (1928-2023)

Maya Lavrinovich
Independent Researcher

<https://independentresearcher.academia.edu/MayaLavrinovich>

Ingrid Schierle
University of Tübingen
ingrid.schierle@uni-tuebingen.de

Abstract:

Dietrich Geyer's article “Gesellschaft' als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert,” had a significant impact on both German and American historiography, which is not the case with the Soviet historiography of the 1960-1980s. Nevertheless, late Soviet and early post-Soviet historiography was preoccupied with the same problems of the relationship between “state” and “society” in Imperial Russia and sometimes followed the line of D. Geyer's thinking. In the 1990s, when the “grand narrative” of modernization was called into question, historians engaged in a polemic about the very productiveness of the opposition of “state” and “society” as categories of historical knowledge. They turned to the local level of late imperial Russian society, or adopted new methods of examining legislative sources, avoiding access to “backwardness” or “underdevelopment,” preferring to examine the language and rhetoric of eighteenth-century documents.

Keywords:

Eighteenth-century history, state and society, social history, noble assemblies, Soviet historiography, Russian historiography

В октябре 2023 г. в возрасте 94 лет скончался профессор Дитрих Гайер – историк и директор Института истории Восточной Европы и страноведения при Тюбингенском университете в 1965–1994 гг. Его исследования по истории политических идей, социальных и политических трансформаций в Российской империи и Советском Союзе давали глубокие импульсы исследованиям и научному сотрудничеству в годы “холодной войны” и перестройки. Монография Д. Гайера о российском империализме, переведенная на английский язык,

убедительно показала связь между внутренней и внешней политикой империи,¹ а его статья “Общество’ как государственное установление: Социально-исторические аспекты российской государственной власти в XVIII веке,” опубликованная в 1966 г., дала новый импульс для изучения XVIII в.² Эта работа принадлежит оживленной дискуссии об “основных исторических понятиях,” которую вели немецкие историки, поставившие вопрос о применимости концептов и аналитических категорий, сформировавшихся в западноевропейской истории, к изучению истории России. Тезис Гайера о созданных в эпоху правления Екатерины II сословных выборных корпорациях как “государственном установлении” дал толчок многочисленным исследованиям по социальной истории, прежде всего, работам его ученика М. Хильдермайера по истории города в Российской империи, а также дворянства XVIII и XIX вв.³

В основу публикуемого здесь перевода, осуществленного М. Лавринович, положен незначительно переработанный автором вариант статьи, опубликованный в 1975 г.⁴ Статья Д. Гайера “Общество’ как государственное установление” едва ли хорошо известна российским ученым – специалистам по истории России XVIII в., чего нельзя сказать о самой проблеме, которой посвящена статья. В этом ключе – через призму соперничества государства и общества с заранее известным результатом – историю России XVIII–XIX вв. рассматривали дореволюционные историки, о влиянии которых на западную историографию XX в. хорошо известно. Д. Гайер обратился к этой проблеме в середине 1960-х гг., используя понятия “общество” и “государство” как категории анализа истории России XVIII в.: противостоящие друг другу в рамках “большого нарратива” русской истории, они стремятся друг к другу, находят друг друга, но не могут подобрать ключей для взаимодействия. Д. Гайер в своей статье спроецировал эту проблему на современные российскому государству XVIII в. абсолютистские режимы – габсбургскую и прусскую монархии. Этот фон: поиск способов администрирования больших территорий в условиях крепостного права или других форм личной несвободы значительной массы населения – позволяет увидеть общность научной проблематики и представляет собой попытку включить российскую историю в общий ход европейской истории. Глядя из позднего XIX в. как исследователь, Д. Гайер увидел причину “недоразвитости” “гражданского общества” позднеимперской России в порождении общества государством в России XVIII века. Предложив свое видение этой проблемы, Д.

¹ Dietrich Geyer, *Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914* (Leamington Spa: Berg, 1987). (Original: *Der russische Imperialismus: Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977)).

² Dietrich Geyer, “Gesellschaft” als staatliche Veranstaltung: Bemerkungen zur Sozialgeschichte der russischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 14 (1966): 21–50; *idem*, “Staatsausbau und Sozialverfassung. Probleme des russischen Absolutismus am Ende des 18. Jahrhunderts,” *Cahiers du monde russe et soviétique* 7 (1966): 366–77.

³ Manfred Hildermeier, *Bürgertum und Stadt in Russland 1760–1870: rechtliche Lage und soziale Struktur* (Cologne: Böhlau, 1986); Manfred Hildermeier, “Der russische Adel von 1700 bis 1917,” *Geschichte und Gesellschaft* 13 (1990): 166–216.

⁴ Dietrich Geyer, “Gesellschaft’ als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert,” in Dietrich Geyer (Hrsg.), *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland* (Cologne: Kiepenheuer & Witsch, 1975), 20–52.

Гайер оказался среди тех западноевропейских ученых, кто в 1960-е гг. начал формировать новый, самостоятельный взгляд на XVIII столетие в России.⁵

Хотя у статьи, написанной западногерманским ученым, практически не было шансов дойти до советских историков в 1960–1980-е гг., отметим, что последние по сути работали над той же проблемой формирования социальных основ империи в XVIII в., с той лишь разницей, что они отдавали дань “производящим” социальным стратам и оставляли на долю дворянства лишь “культуру.” Признавая приоритет социально-экономических факторов по сравнению с законодательными инициативами, но все же принимая в расчет последние, П. Г. Рындзюнский и позднее Б. Н. Миронов предлагали свои объяснения связи экономического развития и институтов городского самоуправления.⁶

В 1980–1990-е гг. о работе Д. Гайера можно было опосредованно узнать из работ американских коллег в силу того, что англоязычная историография была немного более доступна. Так, Д. М. Гриффитс и В. Камендровский в статье 1978 г., посвященной дебатам о торгующем дворянстве в 1760–1770 гг., ссылаются на описанную Д. Гайером законодательную схему 1770–1780-х гг., состоявшую в привязке неслужащего дворянства к местному управлению и представлявшую собой малозатратный способ создания локальной администрации при полном сохранении прав дворян на землю и крепостные души.⁷ Позднее, в своей концептуальной статье о “Жалованных грамотах” дворянству и городам 1785 г., которые Д. М. Гриффитс считал конституцией “старого порядка” (*ancien régime*), он разделил мнение Д. Гайера об установленных этими документами сословных корпорациях как “приводных ремнях” самодержавия – институтах, передающих усилие монарха (через генерал-губернаторов или наместников) соответствующим категориям населения в губерниях. Американский историк соглашался с

⁵ А. Б. Каменский, “Русский XVIII век Дэвида Гриффитса,” в Д. М. Гриффитс, *Екатерина II и ее мир: статьи разных лет* (Москва: Новое литературное обозрение, 2013), 16. (A. B. Kamenskii, “Russkii XVIII vek Devida Griffitsa,” in D. M. Griffiths, *Ekaterina II i ee mir: stat'i raznykh let* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013), 16).

⁶ П. Г. Рындзюнский, *Городское гражданство дореформенной России* (Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958); П. Г. Рындзюнский, “Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население,” в *Общество и государство феодальной России: сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина*, ред. В. Т. Пашуто (Москва: Наука, 1975), 86–95. (P. G. Ryndziunskii, *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoj Rossii* (Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958); P. G. Ryndziunskii, “Soslovno-podatnaia reforma 1775 g. i gorodskoe naselenie,” in *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noi Rossii: Sbornik statei, posviashchennyi 70-letiiu akademika L. V. Cherepnina*, red. V. T. Pashuto (Moscow: Nauka, 1975), 86–95); Б. Н. Миронов, *Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие* (Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 199). (B. N. Mironov, *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* (Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1990)).

⁷ David Griffiths & Victor Kamendrowsky, “The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in the Relationship Between Catherine II and the Russian Nobility,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 26 (1978): 198–221; зд. цит. по перев.: Д. М. Гриффитс и В. Камендровским, “Дебаты о торгующем дворянстве в России: Глава из истории отношений между Екатериной II и русским дворянством,” в Гриффитс, *Екатерина II и ее мир*, 151–89. (D. M. Griffiths & V. Kamendrowsky, “Debaty o torguiushchem dvorianstve v Rossii: Glava istorii otnoshenii mezhdou Ekaterinoi II i russkim dvorianstvom,” in Griffiths, *Ekaterina II i ee mir*, 151–89).

немецким в том, что дворянство рассматривалось самодержавием не как помеха, но как необходимое условие собственного существования.⁸

Сама проблематика – отношения между государством и обществом на протяжении всей истории России – актуализировалась в российской историографии в конце 1980-х–1990-е гг. на фоне переживавшейся в те годы социально-политической трансформации. Именно тогда в исторической науке стал ощутим большой методологический провал, связанный с незнанием западной историографии предыдущих десятилетий, не доходившей до большей части советских ученых в силу причин как идеологических, так и довольно банальных – плохого владения иностранными языками. К концу 1990-х гг. эта проблема уже не только осознавалась большинством ведущих историков, но и решалась: один за другим в начале 2000-х гг. появились сборники переводов на русский язык важнейших работ американских историков.⁹ К этому времени и восходит публикуемый здесь перевод статьи Д. Гайера, и остается только сожалеть, что соответствующего сборника работ немецких историков-русистов не появилось и, как кажется, даже не задумывалось.

Между тем, в 1990-е гг. в западной историографии уже шел активный отказ от основанного на бинарных оппозициях категориального аппарата в исторической науке, пересмотр проблематики в целом и поиск новых языков описания. В русскоязычном поле первопроходцем стал журнал *Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве* (с 2000 г.). Неслучайно, что в 2003 г. в журнале была опубликована большая работа немецкого историка Люца Хэфнера, поставившего под сомнение аморфную категорию “гражданского” / “буржуазного” общества применительно не только к имперской истории России, но и в целом как нормативное понятие европейской истории, вытекающее из механистического понимания социальной стратификации. В социальных науках в целом, отметил историк, отсутствует консенсус по поводу того, что считать “гражданским” или “буржуазным” обществом, в чем отличие одного от другого и какие смыслы: социальные, культурные, экономические – вкладывает в эти понятия та или иная

⁸ David M. Griffiths, “Introduction: Of Estates, Charters and Constitutions,” in *Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns*, eds. David M. Griffiths & George E. Munro (Bakersfield, CA: Charles Schlacks, Jr. Publisher, 1991): XVII–LXIX (= *The Laws of Russia. Series II: Imperial Russia*, vol. 289: April 29, 1785); зд. цит. по перев.: Д. М. Гриффитс, “Жалованные грамоты Екатерины II дворянству и городам 1785 года: о сословиях, грамотах и конституциях,” в Гриффитс, *Екатерина II и ее мир*, 190–250, зд. цит. 199–200. (Griffiths, “Zhalovannye gramoty Ekateriny II dvorianstvu i gorodam 1785 goda: o sosloviiakh, gramotakh i konstitutsiiakh,” in Griffiths, *Ekaterina II i ee mir*, 190–250, citation: 199–200).

⁹ М. Дэвид-Фокс, ред., *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период*: Перев. с англ. яз. (Самара: Самарский университет, 2000); М. Дэвид-Фокс, ред., *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период*: Перев. с англ. яз. (Самара: Самарский университет, 2001); Дж. П. Маджеска, ред., *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси*: Пер. с англ. яз. (Самара: Самарский университет, 2001). (M. David-Fox, ed., *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period* (Samara: Samara University, 2000); M. David-Fox, ed., *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period* (Samara: Samara University, 2001); Dzh. P. Madzheska, ed., *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoi i Moskovskoi Rusi* (Samara: Samara University, 2001)).

национальная историография.¹⁰ Действительно, в своей работе Д. Гайер ничего не сообщает о содержании анализируемого им понятия “гражданское общество” (*staatsbürgerliche / bürgerliche Gesellschaft*). Однако в более ранней, журнальной версии статьи историк говорит о том, что рассматривает это понятие на пересечении социальной истории (*Sozialgeschichte*) и истории законодательства (*Verfassungsgeschichte*), перенося на почву русской истории подход, разработанный в рамках структурной истории немецкими учеными Отто Бруннером и Вернером Конце. Работая над большим исследованием – социальной историей государственного управления в России XVIII–XIX вв., Д. Гайер сконцентрировался на переломной для европейской истории эпохе 1750–1850 гг., когда из сословного “*societas civilis*” возникло общество, включающее всех людей (“*qui embrasse tout les hommes*,” если использовать цитату из статьи Д. Гайера).¹¹

Концепция Д. Гайера, изложенная столь убедительно, имела, хотя и неявно, воздействие на раннюю постсоветскую историографию, как видно из монументального труда Б. Н. Миронова *Социальная история России*, первое издание которого вышло в 1999 г. Миронов, отдавая дань “большому нарративу” – поступательному движению к гражданскому обществу и правовому государству – и раскладывая по полочкам общество имперской России, увидел в дворянском обществе, как оно сложилось в результате екатерининских реформ, то самое “гражданское общество,” вопрос о возникновении которого поставил Гайер в своей статье. В структурном и функциональном дуализме общества, обслуживавшего как местные, сословные, так и государственные интересы, в тесной связи с государством, считавшим дворян социальной опорой в провинции и возлагавшим на него обязанности по местному коронному управлению, Миронов, в отличие от Гайера, увидел не отклонение от нормы, а наоборот, практически полное совпадение с “магистральным путем” условной европейской истории. Дворянское общество возникло спонтанно, возродившись как корпорация после упадка служилого города, и по всем пунктам отвечало характеристикам сословия: объединяло свободных людей, управлялось представительным собранием и выбранными должностными лицами и не имело принудительного характера и административно-полицейской власти над своими членами, а организация и компетенция этого общества были определены законами.¹² Так, применив те же критерии к местным дворянским корпорациям, учрежденным в 1785 г., Миронов сделал противоположные выводы.

¹⁰ Люц Хэфнер, “*Civil Society, Bürgertum* и ‘местное общество’: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России,” *Ab Imperio* 3 (2002): 161–208. (Lutz Häfner, “*Civil Society, Bürgertum* i ‘mestnoe obshchestvo’: v poiskakh analiticheskikh kategorii izucheniia obshchestva i sotsial’noi evolutsii v pozdneimperskoi Rossii,” *Ab Imperio* 3 (2002): 161–208).

¹¹ Так согласно Райнхарту Козеллеку: Reinhart Koselleck, “Einleitung,” in Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck (Hrsg.) *Geschichtliche Grundbegriffe* vol. 1 (Stuttgart: Klett-Cotta, 1979): XIII–XXVII; Geyer, “‘Gesellschaft’ als staatliche Veranstaltung,” 21.

¹² Б. Н. Миронов, *Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*, т. 1–2 (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999). (B. N. Mironov, *Sotsial’naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII–nachalo XX v.). Genезis lichnosti, demokraticheskoi sem’i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*, t. 1–2 (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999); зд. цит. по: изд. 3-е (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003), 521.

В упомянутой выше работе Л. Хэфнер, помимо методологических вопросов, предложил редуцировать концепт “гражданского общества” до “обозримых рамок ‘местного общества,’” предложив, таким образом, свой аналитический инструмент для социальной истории России и обозначив границы его применения сферой общественной самоорганизации, лежащей между государством и семьей.¹³ Он исследовал местные общества поволжских городов 1870–1914 гг. с упором на формы самоорганизации, находившиеся за пределами контроля гипертрофированного российского государства.¹⁴ Если на тот момент его исследование было едва ли не единственным, в центре которого находились локальные сообщества и учреждения,¹⁵ то в последующие годы внимание историков к локальному уровню только усиливалось. Попыткой пробиться на “местный уровень” стал четырехтомный труд о дворянстве Орловской и Тульской губерний эпохи Уложенной комиссии 1767–1774 гг. – результат большого проекта, осуществлявшегося в Германском историческом институте в Москве на протяжении нескольких лет.¹⁶

Благодаря методологическим сдвигам, открывшим новые подходы к историческим источникам, прежде всего – лингвистическому повороту, снова стало возможным вернуться к исследованию законодательства и законодательных проектов, но уже в русле изучения риторических стратегий, с помощью которых современники в XVIII в. осмысливали социальную структуру. Место государства – всевластного левиафана, лепящего по своему усмотрению сословия и классы из “глины” социального материала – занимает другой инструмент: язык. Так, под влиянием античной политической и литературной традиций дворяне в екатерининскую эпоху начинают восприниматься как свободные граждане, а служба государству переосмысливается как гражданская доблесть. Права и привилегии у дворянства возникают как у “хороших граждан,” а “язык гражданственности,” вырабатывающийся в екатерининскую эпоху в законодательстве и в многочисленных проектах, по мысли историка К.Д. Бугрова, становится средством обоснования неравенства и принуждения, в свою очередь серьезно повлиявшим на создание представления о России как о расколотом и отсталом обществе.¹⁷ В каком-то смысле сам XVIII век задал проблематику, на

¹³ Хэфнер, “*Civil Society, Bürgertum* и ‘местное общество,’” 164. (Häfner, “*Civil Society, Bürgertum i ‘mestnoe obshchestvo,’*” 164.

¹⁴ В самом названии его исследования заложена полемика со статьей Д. Гайера: Lutz Häfner, *Gesellschaft als lokale Veranstaltung in Rußland: städtische Eliten und Öffentlichkeit in Kazan’ und Saratov 1870 bis 1914*. Habilitationsschrift. Fakultät für Geschichtswissenschaften und Philosophie (Bielefeld: Universität Bielefeld, 2001).

¹⁵ Среди историков, первых обратившихся в 1990-е гг. к исследованию локальных сообществ в России, следует назвать А. Каплуновского, см. его диссертацию: А. П. Каплуновский, *Русская мещанская община в городах казанского Поволжья. 1870–1918 гг.* (Москва, 1998). (A. P. Kaplunovskii, *Russkaia meshchanskaia obshchina v gorodakh kazanskogo Povolzh'ia. 1870–1918 gg.* (Moscow, 1998)) и др. его работы о местных общинах Казани в конце XIX в.

¹⁶ Ольга Е. Глаголева и Ингрид Ширле, ред., *Культура и быт дворянства в провинциальной России XVIII века*, т. 1–4 (Москва: РОССПЭН, 2021–2022). (Ol’ga E. Glagoleva & Ingrid Schierle, eds., *Kul’tura i byt dvorianstva v provintsial’noi Rossii XVIII veka*, t. 1–4 (Moscow: ROSSPEN, 2021–2022)).

¹⁷ К. Д. Бугров, “Бездна неравенства: ‘язык гражданственности’ в России от XVIII века до XVIII съезда,” *Новое литературное обозрение* 141 (2016): 245–258. (K. D. Bugrov, “Bezdna neravenstva: ‘iazyk grazhdanstvennosti’ v Rossii ot XVIII veka do XVIII s’ezda,” *Novoe literaturnoe obozrenie* 141 (2016): 245–258).

многие десятилетия определившую взгляд на него из последующих эпох, но уже на излете модернизационной парадигмы истории следовавшего за Д. Гайером поколения показали, что и у “отсталости” были свои “привилегии.”¹⁸

¹⁸ Назовем здесь одну из самых влиятельных работ, предложивших новый подход к проблеме “отсталости” России: Manfred Hildermeier, “Das Privileg der Rückständigkeit: Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte,” *Historische Zeitschrift* 244 (1987): 557–604.